

Секция 7

Русский, советский, россиянин: исторические трансформации российской идентичности

Модератор: Вячеслав Николаевич Кудряшев (Томск, Россия)

Дискутант: Ольга Юрьевна Малинова (Москва, Россия)

1. Кудряшев Вячеслав Николаевич (Томск, Россия). Русская общественная мысль в поисках национальной идентичности: зарождение русского национализма (вторая половина XIX века).

Вопросы и мнения:

Ольга Юрьевна Малинова: «Просьба уточнить хронологические рамки и акторов процессов, упомянутых в докладе. С кем конкретно связано развитие либерализма, национализма? Были ли они современниками?»

Вячеслав Николаевич Кудряшев: «Хронологические рамки очерчены формально. Был взят классический вариант развития всех направлений. Доктрина славянофильства, в целом, формируется в 1850-нач. 1860-х гг., в дальнейшем она эволюционирует. Что касается национализма, это уже 1870-е годы. Чичерин, Грановский, несколько позже – Гессе. Из славянофилов – Аксаковы, Киреевский. Хронология периода – проблемна, так как его течение не равномерно».

Дискутант: «Конечно, конструирование национальной идентичности в таком непростом сообществе как Российская империя имело свои сложности. И здесь важно, каким образом мыслят это сообщество стоящие за государством те или иные политические силы. В связи с этим вопрос – действительно ли славянофилы имели в своем сознании модель нации или они мыслили идентичность сообщества в каких-то других моделях?»

Вячеслав Николаевич Кудряшев: «Формирование любого течения общественной мысли вызывает массу спорных вопросов. Нет четкости в терминах. У славянофилов под народностью понималось и этно-религиозное сообщество, и определенная стадия его развития, и сумма качеств, присущая сообществу. Причем зачастую, например, в одном произведении, приписываемом славянофилу Аксакову, термин народность трансформируется несколько раз. К тому же это публицистика, а не научные исследования. Что также накладывает свою специфику. В какой-то степени это «ощущение». Однозначно установить, что у славянофилов было представление о нации, сложно, но с точки зрения постановки основных политических задач это представление существовало. Был будущий проект нации. Процессы, о которых говорилось в докладе, носили длительный

характер, их акторы мыслили категориями десятилетий. Они видели возможность движения к цели, но не до конца представляли себе ее достижение».

2. Федосов Егор Андреевич (Томск, Россия). Советский человек: пропаганда или реальность?

Вопросы и мнения:

Участник конференции: «С чем связан выбор объекта исследования? Какие методы использовались в работе? Зачем цитируется Кузнецов?»

Егор Андреевич Федосов: «Выбор данного информанта обусловлен тем, что это представитель уходящего поколения. Мне было интересно поговорить с человеком, который может о себе сказать, что он был комсомолец 30-х гг. Представителей этого поколения мало. Метод – глубинное диалоговое интервью. Точки зрения, которые я приводил, не предполагали формата историографического обзора. Были взяты некоторые резонансные точки зрения. За счет них сделана попытка показать поляризацию и плюрализм мнений советского человека».

Сергей Ушакин: «Речь в докладе идет о советской идентичности, а материал используется сегодняшний. Вы работаете с дневниками того периода?»

Егор Андреевич Федосов: «Работа ведется с широким корпусом источников, в том числе с дневниками. В тексте доклада я оговорился, что это пример особого ментального среза, который присущ, например, профессуре или комсомольцам 30-х гг. Конечно, постфактум – это рефлексия на прошедшие события. Но так как отчасти это интервью носило и биографический характер, учитывается и личная идентичность».

Елена Вячеславовна Миськова: «Предложение акцентировать внимание на том, что исследуется память. Можно исследовать представление героя о советской идентичности через слово «все», которое часто используется в его речи, провести определенную ретроспективу из сегодняшнего дня в прошлое».

Елена Германовна Трубина: «Возможно, человек пытался быть осторожным. Информация, которую вы получили, могла быть обусловлена, в том числе, и этим фактором».

Егор Андреевич Федосов: «Я считаю, что это также определенная характеристика человека, связанная с его ментальностью. Но вы правы и с точки зрения критики источника все это нужно учитывать».

3. Василий Павлович Зиновьев (Томск, Россия). Советская составляющая российской идентичности.

Вопросы и мнения:

Лариса Валерьевна Дериглазова: «При всем уважении к докладчику не согласна с тезисами. Помню, когда поступала на Исторический факультет, Борис Георгиевич Могильницкий, который тогда был деканом, говорил нам, что мы будущие идеологи. Но я не хотела быть идеологом, я хотела быть историком. Тезис об эффективности якобы существовавшего тогда индустриального общества (в сравнении с другими индустриальными обществами) также спорен».

Василий Павлович Зиновьев: «Наше индустриальное общество, конечно, отличалось от того, что было в Англии и США, но это не значит, что у нас не было индустриального общества. Просто оно было немного другим. Зарабатывали от производства вещей, жили в городах, основная часть населения была занята в промышленности. Дело в том, что основа индустриального общества – средний класс. Он рождает его и создает основу этого общества. У нас этого не произошло, у нас было максимум 11-12 % среднего класса, поэтому и не сложилось устойчивого индустриального общества. Наше общество распалось, как только произошло его расслоение – перед переходом в постиндустриальную фазу. В своей нищете оно было монолитно».

Сергей Ушакин: «Вы связали российскую идентичность с историческим самосознанием. Почему в вашем понимании идентичности все фокусируется только на советском прошлом? Почему российская идентичность в докладе не фокусируется на будущем?»

Василий Павлович Зиновьев: «Тема доклада звучала как «Советская составляющая российской идентичности». Я сделал вывод о том, что это неперемнная часть современной идентичности, но вся российская идентичность не рассматривалась в докладе».

Участник конференции: «Советская идентичность сегодняшнего дня – это возвращение, новая конструкция или реконструкция?»

Я думаю, к советскому возвращаться никто не будет, это прошлое, и к капитализму – это позапрошлое. Нужно заниматься просто строительством нового, постиндустриального информационного общества. Но модернизационный рывок у нас будет. И это будет делаться государством. Это наша традиция. Но будет делаться в более цивилизованной форме. В лагерь никто никого загонять не будет.

3. Ольга Юрьевна Малинова (Москва, Россия). Политическое использование символа Великой Отечественной войны и конструирование российской идентичности.

Вопросы и мнения:

Елена Германовна Трубина: «Существует такой вызов как космополитизация памяти о ВОВ. По данным обработки интернет-сайтов 2010 года, которые проводились в рамках одного из наших проектов, удалось увидеть множество альтернативных мнений о ВОВ, в которых четко проглядывалась тенденция влияния глобализации».

Ольга Юрьевна Малинова: «В этом особенности символической политики. Предметом моего внимания являлись практики властвующих элит, но если говорить о том, как это происходит, это естественно сфера конкуренции, которая определяется многими факторами, о которых мы мало что знаем. Не всегда интерпретации действительности, которые отстаивает государство, являются единственными. И предметом моего исследования являлось именно то, как власть реагирует на эту конкуренцию».

Ричард Саква: «В докладе был использован термин «освоение памяти» («to work through»). Как можно «осваивать» прошлое? Не существует ведь всеобщего согласия и общих механизмов в обществе, связанных с «присваиванием» памяти? Есть ли какой-то консенсус?»

Ольга Юрьевна Малинова: «Мне кажется, что путь к консенсусу может оказаться достаточно длинным. Но, видите ли, Ричард, если мы изучаем практики, связанные с тем, как политические элиты конструируют прошлое, мы можем говорить о тех проблемах, с которыми связан тот или иной подход, можем смотреть, почему какие-то вещи работают, а какие-то – нет. Кроме того, можно использовать сравнительный подход, ведь проблемы «трудного прошлого» есть у всех стран. Сравнительный анализ этого опыта позволяет понимать, какие возможные варианты развития политики памяти существуют сегодня. Приходится оценивать и свои ресурсы, т.к. в силу того, что политика памяти всегда связана с проблемами, многое зависит от того, готова ли политическая элита рисковать ради символической политики и делать то, что она считает правильным, достаточно настойчиво. Одна из проблем политики памяти – ее непоследовательность».

Участник конференции: «Эффективны ли эти практики? И как определять критерии эффективности? Проводить сравнение с другими государствами?»

«Мне кажется, что здесь основной критерий эффективности – это степень согласия общества с политикой, которую ведут в области памяти политические элиты. И в отношении использования символа Великой Отечественной войны ответ очевиден. Что касается второй части вопроса, все государства ведут эту

политику, и вопрос не в том, чья политика оказывается эффективнее, а в том, как это делается. Это и было предметом исследования».

4. Лариса Валерьевна Дериглазова (Томск, Россия). «Что значит быть русским» в ответах студентов, изучающих международные отношения в ТГУ, 2004 и 2014 гг.

Вопросы и мнения:

Ксения Александровна Жарчинская: «В сочинениях, где студенты писали о том, что они не чувствовали себя русскими, какова была их риторика? Испытывали ли они сожаление по этому поводу или, напротив, были настроены позитивно? Каковы вообще были эмоциональные контексты?»

Лариса Валерьевна Дериглазова: «В сочинениях 2006 года лишь одна девушка написала, что не чувствует себя русской. Скорее это было выражение того, что она не чувствует себя эмоционально привязанной к тому, что является «русским». Еще одна тема – антизападных настроений – также ярко звучит в сочинениях исследований в осуждающем контексте. Многие студенты-международники сами хотят остаться в России и осуждают тех, кто хочет уехать».

Ольга Юрьевна Малинова: «Как трудоустраиваются ваши студенты-международники?»

Лариса Валерьевна Дериглазова: «Те, кто учился в начале 2000-х, многие связывали свою будущую профессиональную карьеру с МИДом. Но сейчас МИД не берет на практику даже девочек. Часть студентов стабильно уезжает за границу, учиться, часть идет в науку. Многие уезжают в Новосибирск и другие крупные центры, где они могут найти применение своим знаниям и умениям».

Елена Вячеславовна Миськова: «Насколько важен в ответах студентов был вопрос этничности?».

«Тема русской этничности, славянской крови, внешности в сочинениях практически не звучала. Многие указывали, что они по происхождению «украинцы» или «из Казахстана». А некоторые указывали, что чувствуют себя русским, несмотря на то, что в них течет другая кровь. Кто-то писал, что не чувствует себя русским потому что «ингуш», но понимает, что значит «быть русским»».

Участник конференции: «Имеет ли вообще значение термин «русский» в контексте исследования? Возможно, часть студентов говорили об идентичности русского, а часть – об идентичности россиянина».

«Тема россиян и русских звучала в сочинениях. Однако все, что связано с национализмом в современном российском сознании, как правило, оперирует

терминами «русскости». Одно из последних исследований Левада-центра показало, что ведущими маркерами становятся фразы «я русский» и «я православный».

5. Ксения Александровна Жарчинская (Томск, Россия). Конструирование идентичности в социальных сетях на примере сообществ славянских традиционалистов.

Вопросы и мнения:

Участник конференции: «Почему употребляется термин «традиция». Это самоназвание или термин, придуманный в процессе исследования?»

Ксения Александровна Жарчинская: «Термин – обобщающее определение, взятое в контексте исследования на основе самоназвания представителей данного сообщества (его используют в своих текстах большинство представителей исследуемых групп). В докладе речь шла не о реальной славянской традиции, а о конструируемых воображением мифах, на основании которых формируется новая, искусственная национальная идентичность. Проблема в том, что виртуальное появление данных сообществ – вторично. Вначале появляются крупные группы, например, националистов, которые живут в соответствии с воображаемой традицией, а то, что они живут в «сети», видимо свидетельствует о том, что вызовы современной реальности славяно-арийцы встречают не отрицанием глобальных технологий, а адаптацией, попыткой под них подстроиться».

Пироговская Мария Михайловна: «Предложение рассмотреть канву исследования в контексте методологии Хобсбаума, описанной в «Изобретении традиции».

Ксения Александровна Жарчинская: «Это один из заделов на будущее. Только недавно начала знакомиться с данной книгой».

Стракевич Анастасия Алексеевна: «Есть ли у данного сообщества политические взгляды? И какие еще формы самоорганизации оно использует?»

«Во-первых, это националистические сообщества. Российские исследователи, которые рассматривали данный материал, отмечали, что первоначально на постсоветском пространстве появились именно националистические формы самоорганизации («Русский марш», «митинг», ДПНИ), затем уже возникли какие-то экологические тенденции (под влиянием Запада). Кроме того, существуют и «культурные» варианты современного славянского «традиционализма»: музеи (например, Музей Славянской мифологии в Томске), Славяно-арийская академия (участники которой присуждают друг другу ученые степени «без участия ВАКа»).

В этих сообществах за рамками виртуального общения возникают самые разные практики – в зависимости от потребностей реальной жизни».

6. Подвинцев Олег Борисович (Пермь, Россия). Представления о макрорегиональной структуре современной России как элемент и характеристика идентификационных схем.

Вопросы и мнения:

Ольга Юрьевна Малинова: «О чьих ментальных картах говорилось в докладе? С какими материалами вы работаете? И из какой точки России эти ментальные карты выстраиваются? Кажется, говорить о единой ментальной карте применительно ко всей России не совсем правильно»

Подвинцев Олег Борисович: «О массовом сознании приходится судить только по косвенным признакам. Поскольку всероссийского опроса «Из каких частей состоит РФ?» или «Знаете ли вы, чем жизнь в одних регионах отличается от других?», никто не проводил. Материалами доклада были региональные исследования, в том числе частные, и источники, связанные с символической политикой, проводимой на уровне регионов и федерального центра, и материалы, связанные с политикой в области образования, культуры и т.д. Например, в Ставрополе был издан учебник «История юга России». Это предмет, который преподается в вузах. Не «Северный Кавказ», а «Юг России», что показательно. Фактором формирования политики ведь выступают не только органы государственной власти, но и интеллектуалы, общественность и так далее. В разговоре о российской идентичности должны быть общие моменты, иначе об общей идентичности не может быть речи. Это могут быть не общие, а сходные представления, характерные для разных частей страны. Общие клише, стереотипы, набор представлений о том, что есть Россия, из каких частей она состоит, он должен быть. Сегодня мы можем видеть, как он формируется».

7. Харитонова Вероника Дмитриевна (Томск, Россия). Опыт формирования религиозной идентичности в современной России (на примере зороастризма).

Вопросы и мнения:

Мария Михайловна Пироговская: «Какова численность общины? На основе каких материалов делаются выводы? Планируется ли включать метод наблюдения?»

Харитонова Вероника Дмитриевна: «Численность общины – порядка 60 человек, она небольшая. Члены этих общин активно выходят на переписку. Стремятся делиться своим опытом. И особенно рады тому, что их жизнью интересуются с точки зрения науки. Они хорошо относятся к тому, когда ими интересуются. Метод включенного наблюдения пока не представлялось возможности подключить, но он есть в планах».

8. Артем Александрович Фоменков (Нижний Новгород). Две России: к вопросу о «воображении» новой нации.

Вопросы и мнения:

Лариса Валерьевна Дериглазова: «Возможно, деление России на «Россию айфонов» и «Россию шансона» – некорректно. Это противоречивая концепция, многие из тех, кто слушает шансон, пользуются айфонами».

Артем Александрович Фоменков: «Согласен. Айфоны собираются в Китае, а делает их Европа. Конечно, эта формула ненаучна, но дело не в том, что человек, у которого есть айфон, культурный. Шансон обсуждать не хотелось бы. Но чтобы просто понять, почему Россия не Франция, предлагаю вам прочесть две биографии – Эдит Пиаф и Игоря Погорелова. Почитайте и сможете понять, почему Россия не Франция».

Елена Германовна Трубина: «Тема «Две России» – отсылает к прошлому, истории, истории философии, осмысляющей исторические пути развития нашей страны. Есть попытки, используя образ разной России, рассуждать об отличиях экономической жизни в разных регионах. Как это сделала, например, в одном из своих исследований экономический географ Наталья Зубаревич».

Артем Александрович Фоменков: «Примеры есть. Есть некоторая донбасская идентичность, на которой сейчас строят «Новороссию». Можно работать и с советским поколением. Молодежь советского строя либо не знает, либо он ей ничего не дал».

Резюме дискуссионта:

Ольга Юрьевна Малинова (Москва, Россия): «Уважаемые коллеги, мы были участниками очень бурных дискуссий, вобравших в себя весь спектр проблем, с которыми сопряжены те социальные процессы, которые мы описываем в терминах конструирования идентичности.

Мне кажется, дискуссия в этой аудитории хорошо показывает, что у нас до сих пор **нет общего языка для обсуждения этих проблем**. Отсутствие общего языка указывает на сложность самих проблем. Не случайно в заголовок панели поставлено три понятия – русский, советский, россиянин. Этот список можно было бы продолжить. Действительно, **и в общественном, и в академическом дискурсе есть разные понятия** для описания сообщества, стоящего за современным российским государством. Мне кажется, что **для научного анализа в некоторых случаях удобно пользоваться описательным понятием**. Именно для того, чтобы используя один из терминов, которые конкурируют друг с другом, не становиться

на чью-либо «сторону» в этом общественно-политическом споре. И мне кажется, что **таким понятием может быть понятие «макрополитическая идентичность»**. Во всяком случае, я его использую.

Сегодняшние дискуссии отчетливо показали, сколь непросто обстоит дело со всеми измерениями этой макрополитической идентичности. Мы сегодня говорили **о проблеме сопряжения этнической идентичности с макрополитической идентичностью**. Многие – и социальные интерпренеры, и представители академического сообщества – активно работают с противопоставлением этих компонентов. Не случайно, когда задавались вопросы Ларисе Валерьевне Дериглазовой, прозвучал вопрос о «русскости» как «этническом измерении». Это действительно проблема.

Русскость как компонент макрополитической идентичности имеет два измерения. Одно измерение – этническое, а другое культурное. Одна из проблем конструирования макрополитической идентичности как идентичности российской (а так она называется по названию государства и мыслится как гражданская идентичность) – невозможность этого проекта без проекта идентичности «русского», понимаемого как «культурное». Идентичность современного макрополитического сообщества, безусловно, включает в себя в качестве очень значимого признака культурную составляющую. И эта культурная составляющая должна иметь определенную культурную традицию, генеалогию. Нам никуда не деться от того, что эта культурная традиция называется словом «русское». Когда мы ищем прилагательное к слову «культура», этим прилагательным оказывается «русская культура». И мы еще говорим о том, что она великая, и о том, что ее наследниками являются те, кто мыслит себя в рамках этой традиции. Ключом к ней является, конечно, язык. И в этом смысле я бы полемизировала с Олегом Борисовичем Подвинцевым. Действительно, язык, когда он является языком межнационального общения, трудно использовать как маркер границы. Но нельзя сбрасывать со счетов то, что **язык является важнейшим фактором идентичности**, именно потому, что он является **основой культурного измерения**.

Мы говорили сегодня **о религиозном измерении макрополитической идентичности, об ее историческом измерении**. Мне кажется, что в докладах и полемике отчетливо прозвучали те смысловые водоразделы, которые являются болевыми, узловыми точками самого социального процесса, дискурса об идентичности, который происходит на разных площадках общества. Например, мы много говорили сегодня о **советскости и российскости**, и о том, как они взаимосвязаны. В докладах нашей сессии они нередко противопоставлялись, но очевидна потребность выстроить преемственность. Понятно, что чтобы эта

преемственность могла быть выстроена, нам нужно **переформатировать представления о советскости в общественном сознании**. Я уже сказала о русскости и российскости. И это тоже очевидная проблема.

Здесь поднималась еще одна проблема, связанная с конструированием макрополитической идентичности: «Куда ее обращать – в прошлое или будущее?». Вопрос отчасти риторический, поскольку при конструировании любой макрополитической идентичности необходимы и прошлое, и будущее как единый вектор, но конечно, проблема заключается в том, куда этот вектор в большей степени обращен. В советское время играла колоссальное значение в конструировании идентичности проекция будущего. На определенных этапах, прежде всего, в хрущевский период, официальная модель этой идентичности достаточно успешно обходилась, прежде всего, измерениями будущего, что позволяло переживать травматичный опыт совсем недавнего свежего прошлого военных периодов.

Вместе с тем, наверное, неслучайно наши сегодняшние споры об идентичности так развернуты в сторону прошлого. Некоторые зарубежные исследователи говорят о том, что российское общество вообще историкоцентрично. Это особенность российской интеллектуальной традиции. Наверное, в этом есть своя правда. И первый доклад, прозвучавший сегодня на нашей панели, и то, сколь актуальными нам показались эти споры давно минувших дней, наверное, является тому хорошим подтверждением.

Наверное, обращенность наших сегодняшних споров об идентичности в прошлое не случайна и в контексте **задачи выстраивания концепции «новой России»**, а хотим мы того или нет, но СССР распался, и мы живем в других границах и строим идентичность нового макрополитического сообщества. **Решение этой проблемы невозможно без проработки прошлого**. И это очень болезненная процедура, которая вызывает массу сложностей и проблем. Не менее сложным, но почему-то менее дискутируемым является то **территориальное измерение**, о котором говорил Олег Борисович Подвинцев.

Завершая свое резюме, я бы хотела обратить внимание на то, что в сегодняшних дискуссиях прозвучали и те **методологические проблемы, с которыми сопряжено изучение макрополитической идентичности в современном российском обществе**. Проблема заключается не только в том, что эта тема изучается в рамках разных дисциплин. (Так на сегодняшней панели звучали доклады историков, политологов, социологов, т.е. панель была достаточно междисциплинарной). Но мне кажется, что в полемике по докладам в полной мере прозвучало и соперничество эссенциализма и конструктивизма, которое является

основной ареной противостояния, конкуренция в котором касается, в основном, именно сферы наций и национализма.

И в заключение: очень симптоматично, что нашу панель завершил доклад, поднявший еще одну немаловажную проблему – *проблему гетерогенности того макрополитического сообщества, об идентичности которого мы говорим*. Эта гетерогенность за время, прошедшее за 20 лет после распада СССР, не только не уменьшилась, но наоборот увеличилась. Это гетерогенность, которая постоянно конструируется в нашем сознании по принципу бинарного дихотомического противостояния, хотя, на самом деле, все, конечно, сложнее. Эта гетерогенность рефлексирована не только экономическими географами (например, упомянутой концепцией Натальи Зубаревич), но и другими исследователями. Это проблема, которую необходимо принимать во внимание, когда мы сегодня рассуждаем о макрополитической идентичности. Если мы говорим о ценностных основаниях этой идентичности, то, безусловно, в силу социокультурной разнородности современного российского общества, которая пока не уменьшается, а только нарастает, действительно оказывается, что мы имеем дело с разными воображениями этого сообщества, которые существуют в рамках одного сообщества. Я бы поспорила с коллегой относительно того, что эти способы воображения сопряжены с конкретными географическими границами, хотя на самом деле *воображение ментальной карты страны*, о котором говорил Олег Борисович Подвинцев, *может стать при определенных сценариях основой для достаточно неблагоприятных тенденций, которых хотелось бы избежать*

Мне кажется, что у нас состоялась интересная дискуссия, хоть мы и не сошлись во взглядах. Хотелось бы пожелать продолжать столь же плодотворно обсуждать интересующие нас проблемы и на других панелях».